

Сергей Львович
Морозов

Передовые банки подтягивали и весь российский бизнес

Как и большинство советских людей конца 80-х годов прошлого века, я был атеистом и материалистом.

Но вот однажды, кажется в 1989 году, в магазине я познакомился с неким Вронским. Сергей Алексеевич сам почему-то обратился ко мне и после короткого разговора пригласил домой. Представившись, он назвал себя астрологом. Что это такое, я тогда практически не знал.

А Сергей Алексеевич Вронский¹ — легендарный человек, патриарх российской астрологии, доктор медицины и философии, профессор и прорицатель — был уже далеко не молодым (родился в 1915 году), работы у него не было, его не печатали, он скромно жил в Орехово-Борисове в двухкомнатной квартире на мизерную пенсию. Комнаты были соединены в одну, окна задрапированы. Обстановка располагала к таинствам.

Надо сказать, Сергей Алексеевич составил гороскопы великому множеству известных людей: Мэри Пикфорд, Грете Гарбо, Мэрилин Монро, Мао Цзэдуну, Иосифу Сталину, Юрию Гагарину, Сергею Королеву, Юрию Андропову, Леониду Брежневу, Михаилу Горбачеву, Борису Ельцину... Вронский предсказал Еве Браун, что благодаря замужеству ее

¹ Отец Сергея Алексеевича Вронского — царский генерал, граф — служил в шифровальном отделе Генштаба, владел 42 языками (сын также еще в юности знал 13 языков). В 1920 году при попытке выехать из России семья погибла. Случайно остался в живых только Сергей. После долгих скитаний, в Париже, его через Красный Крест нашли жившие в Риге родители отца. Бабушка — черногорская княжна из королевского рода Ненадичей-Негош — астролог, хиромант, стала его первым учителем.

Учился Вронский в Берлине, на медицинском факультете Берлинского университета и в секретном Биорадиологическом институте, открытом по указанию Гитлера для подготовки астрологов и целителей.

В результате Вронский стал личным астрологом Рудольфа Гесса, в то время ближайшего соратника Гитлера. А вскоре стал лечить и самого фюрера, который ему полностью доверял.

В 1939 году он получил степень доктора медицины и звание профессора, стал майором вермахта. Одновременно Сергей еще с 1933 года был членом нелегальной компартии Германии, советским агентом. Он отслеживал деятельность Гесса и генерала-фельдмаршала Роммеля. В воспоминаниях В. Шелленберга есть свидетельство о причастности астрологов к побегу Гесса.

Несколько раз Вронский тайно бывал в Советском Союзе, встречался со Сталиным. В 1942 году его очередной раз вызывают в Москву, якобы для вручения награды. Он понимает, что его там ждет (судьба у него такая, все знать заранее), но и в Германии после побега Гесса Вронский на подозрении. В результате Сергей оказывается сначала в Прибалтике, а затем, перейдя линию фронта... в Потьминских лагерях. В 1952 году он был реабилитирован, вернулся в Латвию, занимался целительством и в феврале 1963 года перебрался в Москву.

По личному распоряжению Н. Хрущева его устраивают на работу в Звездный городок. В это время он в США встречался с братьями Кеннеди и предсказал им трагическую гибель. — *Комментарий авт.-сост.*

С. Л. Морозов

ожидает необыкновенное будущее. Одновременно он описал Гитлеру его будущую невесту.

Составил Сергей Алексеевич и мой гороскоп. Я отнесся к этому с большим недоверием, но когда мой новый знакомый стал говорить, был поражен. Он стал рассказывать важные детали моей жизни, которые я ни

когда никому не доверял! По моей коже побежали мурашки.

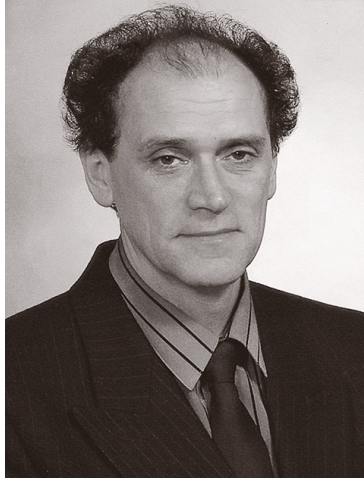
Сергей Алексеевич сразу сказал, что у меня две линии: одна — медицина, другая — финансы. А стихия моя — воздух. Я действительно тогда увлекался парашютным спортом¹.

Потом Вронский перешел к тому, что должно быть. Пока все, что он сказал, сбывается! Между прочим, он сказал, что у меня есть некое предназначение.

Мой гороскоп астролог оставил у себя, заявив мне, что с таким образцом встречается впервые. Вскоре я помог ему издать книгу.

В 1992 году Сергей Алексеевич вернулся в город своего детства, Ригу, и в январе 1998 года скончался.

Интерес мой к данной теме не ограничивался Вронским, я был знаком с Вольфом Мессингом, когда мне было 20 лет, дружил с Михаилом Куни. В результате этих встреч я пришел к выводу, что в мире есть вещи, которые я не понимаю и не пойму никогда. С тех пор я не категоричен в своих суждениях.

С. Л. Морозов

1990–1999

Председатель правления,
президент ЭЛБИМ банка

«Серый кардинал» президентской службы безопасности во времена Александра Коржакова Георгий Рогозин окончательно рассорился со своим бывшим шефом. Известный аналитик не остался без работы: ему тут же было предложено место руководителя департамента стратегического планирования Элбим-банка, на что он дал согласие.

Максим Брунов. Персональное дело // «Деловой Вторник» (Москва). — 28.04.1998

Его называют кремлевским астрологом, составлявшим гороскопы Ельцину, говорят, что он владеет гипнозом, погружается в прошлое, предсказывает будущее и двигает взглядом дубовые столы. В конце концов за ним закрепилось прозвище Мерлин — был такой колдун при дворе короля Артура.

Ольга Вандышева. Бывший кремлевский оракул // «Комсомольская правда». — 18.06.2003

¹ Вронский в 1932 году окончил с отличием авиашколу в г. Инсбруке (Австрия), во время учебы подрабатывал пилотом. В этом качестве принял участие сначала в боливийско-парагвайской, а потом в итало-абиссинской войне. Имея медицинское образование, в конце Великой Отечественной войны был военным хирургом в Советской армии. — *Комментарий авт.-сост.*

Социальному влиянию я не подчинялся с детства. Даже в детском саду я никак не хотел ходить строем.

Перед началом перестройки я окончил биологический факультет Ижевского госуниверситета им. 50-летия СССР, хотя первые три курса прочулся в медицинском институте.

Работал в Московском научно-исследовательском рентгенорадиологическом институте (МНИРРИ). Занимался онкологической эндокринологией. Написал диссертацию под руководством академика РАМН Владимира Петровича Харченко.

Одновременно посещал аэроклуб, совершил 153 прыжка, еще в 14 лет стал инструктором парашютного спорта. Наконец в 1990 году я за год освоил очный курс в Калужской летной школе, занятиям отдавал все свои выходные. Авиацию нельзя осваивать заочно, от знаний зависит твоя жизнь. Так что я профессиональный пилот вертолета, у меня 350 часов самостоятельных полетов, мне присвоен третий класс пилота коммерческой авиации.

Сравните с тем, что сказал мне С. А. Вронский.

Надо сказать, у меня с детства была также совершенно магическая тяга к книгам. Особенно меня притягивала литература по авиации, естественным наукам и экономике. Экономика не была в то время модной темой, да и меня она интересовала бесцельно. Тем не менее я жадно поглощал все, что находил. Так, еще в 1966 году я проштудировал большую переводную книгу «Ресурсы США в будущем».

Как ни странно, хорошее экономическое образование давали и в университете. Тем более что все первоисточники (включая «Капитал» К. Маркса) я не «сдавал», а серьезно изучал. Мои курсовые работы по политэкономии посылались на конкурсы, я выступал с докладами на научных конференциях.

В 1988 году вышел Закон СССР о кооперации. Пошла волна создания кооперативов. В моду вошла хозяйственная инициатива. Я ознакомился с документами и понял, что пришло время реализовать спящую во мне энергию и накопленные экономические знания.

В то время я исполнял обязанности заведующего лабораторией. Самой современной в Европе. Мы занимались радиоиммунологическими анализами («определение биологически активных веществ в нанограммах»). Производительность лаборатории была такова, что в Германии делали 66 тыс. анализов крови в год, а мы — 100 тысяч! Вся техника была двойного применения, покупали ее в обход американского эмбарго через Германию.

Помогло в работе то, что первое мое образование — радиоприборостроение. В юности я окончил соответствующий техникум. Для калибровки нашей техники медики до меня вызывали немецких специалистов, платя за это дефицитную валюту. Я все легко настроил за одну ночь.

Новое оборудование (холодильники по 80–100 кг.) я перетаскал на своей спине. Дело в том, что штатные грузчики, вымогая побольше спирта, ре-

С. Л. Морозов

шили бойкотировать работу, и мне пришлось вспомнить навыки такелажника, приобретенные в юности на «халтурах».

Итак, в разгар перестройки я пришел к директору института академику РАМН А. С. Павлову и сказал ему, что у меня есть план реорганизации лаборатории. Дело в том, что в ней работали женщины, которые постоянно брали больничные по уходу за детьми, болели сами, тем самым постоянно срывая планы проведения анализов. Обидно было, что столь неэффективно используется дорогое оборудование.

Я предложил оформить право пользования на технику лаборатории на себя и взять в аренду ее помещения. При этом обязался выполнять плановые анализы без срывов, а все остальные делать за деньги, причем 49% выручки оставлять у себя, а 51% сдавать в кассу института.

Меня официально утвердили в должности заведующего лабораторией, дали звание младшего научного сотрудника и, самое главное, дали свободу ведения хозяйственной деятельности.

После этого я прошел по министерствам и заключил договора на обследования их сотрудников, тем более что в их бюджетах средства на это выделялись и никогда не использовались. В наш институт потекли деньги. Их оказалось больше, чем до этого давал Минздрав! По расчетам моя зарплата получалась почти в четыре раза больше, чем у директора института. Я воспротивился этому — не самоубийца же я на самом деле. Павлов получал 700 рублей, я установил себе на 1 рубль меньше. Медсестры стали получать по 500 рублей. Конкурс на работу в лаборатории стал огромный. Если кто-то брал больничный, его сразу подстраховывали, выполняя работу временно выбывшего.

И тем не менее денег оставалось очень много, мы не знали, как их израсходовать! Мы покупали разовые инструменты, новое оборудование.

Почувствовал изменения и весь институт, получавший большие отчисления, у директора появился денежный фонд поощрения. Тем не менее зависти к нам было много, простить успех мне многие не могли!

В 1989 году я прошел годичные экономические курсы АН СССР, организованные для новой появляющейся экономически активной прослойки. Лекции нам читали самые известные и популярные тогда экономисты: А. Аганбегян, Н. Шмелев, Л. Абалкин и другие. Практически каждый день. Занятия дали мне очень много.

Счета нашей хозрасчетной единицы обслуживались в областном Жилсоцбанке, в Рыбном переулке. Присмотревшись к работе нового банка, я предложил его руководству создать коммерческий отдел. В то время меня уже очень заинтересовали банковские технологии. Как руководитель нового отдела я занялся продажей компьютеров, причем в отличие от большинства предпринимателей того времени, доставал я и торговал отечественной продукцией. Работал там без отрыва от основной деятельности в институте. Энергии хватало!

Банк стал получать огромные прибыли. Но коллеги не могли никак понять, как один человек решает все проблемы! На всякий случай мне пе-

рекрыли все возможности для снятия заработанных денег со счета. Только выплачивали действительно большую зарплату-премию, составлявшую не больше 5% принесенных мною средств.

Одновременно у меня быстро расширялся круг связей. Наконец я встретился с руководителем одного из первых узбекских банков — Узбекского акционерного инновационного банка «Узинбанк»¹ Юрием Гордеевым. Ему нужно было создать представительство в Москве. Я на свои деньги летом 1989 года вылетел в Ташкент и прошел стажировку в банке. После этого мне дали полномочия и доверенности на ведение дел в Москве. В том числе и на привлечение в банк ресурсов.

Так как в то время никто не понимал, в чем разница между представительством и филиалом банка, я создал представительство с правами филиала. У меня был свой корсчет. Денег я привлек больше, чем до этого было в головном банке. Причем договоры были составлены так, что эти средства оставались в Москве. И это вызвало конфликт с руководством. В результате Гордеев меня уволил, но перед этим я успел все деньги вернуть их владельцам.

В результате этого полугодового опыта я понял, что делать дальше. Еще работая в «Узинбанке» (в начале 1990 года), я написал устав нового банка. Пришел к академику С. М. Навашину, директору Всесоюзного научно-исследовательского института антибиотиков, которого знал раньше, и предложил создать банк. Сергей Михайлович меня поддержал, дал рекомендации. Вместе организовали подписку на 9 млн рублей. Еще полновесных, советских.

Начальник Московской городской конторы Госбанка СССР К. Б. Шор дал мне месяц на сбор денег и открыл накопительный счет. Утверждать меня в качестве председателя банка меня не хотели — формального экономического образования у меня не было. Хотя потом я писал все кредитные договора, делал всю отчетность по банку, составлял балансы, вел кассу, бухгалтерию! Вначале даже обходился без бухгалтера. Мне было интересно! Деньги я в указанный срок собрал!

Очень помогали мне коллеги из Госбанка, особенно отдел новых банков — Н. А. Доманов, О. И. Блинкова, А. Я. Цемянский... Хотя взгляд их на меня был скорее надменный: бегают какие-то салаги. То, что салаги разовьются в серьезные структуры, они и подумать не могли!

Много трудностей было при прохождении документов через Минфин.

¹ «Узинбанк» был незаурядным банком, это была одна из крупнейших банковских структур республики. Совместно с ЦК ВЛКСМ, МК «Современнику», СП «Вариант» он создал 31 марта 1989 г. вместе с американской фирмой «Аисовинвест Инк» СП «Аисовинвест» с уставным фондом 1,2 млн долларов (доля американцев — 25%). 9 января 1992 г. этот банк был среди 34 учредителей Московской межбанковской валютной биржи.

Согласно официальной статистике, «Узинбанк» до 1995 года занимал четвертое место по объему активов (всего узбекских банков тогда было чуть более тридцати). Одним из постоянных клиентов банка была Служба национальной безопасности Узбекистана. Тем не менее в августе 1995 года Национальный банк Узбекистана принял решение его ликвидировать. Что интересно: до ноября 1996 года банк продолжал иметь в Москве филиал, находившийся на проспекте Андропова, 15. — *Комментарий авт.-сост.*

С. Л. Морозов

Помочь получить гербовую печать Госбанка на устав я попросил Ольгу Блинкову. В результате я получил 250-й регистрационный номер. Когда мы начали работать, я предложил Ольге перейти в наш банк. Она имела финансовое образование, а мне слишком часто предъявляли претензии в непрофессионализме руководящего состава банка. Она согласилась, но ее не отпускал начальник А. Я. Цемянский, тем более что Блинкова возглавляла партийную организацию Госбанка. Тогда я сказал Анатолию Яковлевичу: «Отпустите ее по-хорошему, и если у Вас в дальнейшем появятся проблемы с трудоустройством, я Вас сразу возьму к себе на приличное место!» Так Ольга стала моим первым замом, а Цемянский пришел в банк после закрытия в конце 1991 года Госбанка СССР. Когда отбиваться от требований завести профессионального бухгалтера стало уже нельзя, я быстро его подобрал. Первое, что сделала эта «профессионалка» — украла кассу! То есть сняла кассу и исчезла. Своими силами я ее нашел, после звонка из очень серьезной структуры она стала оправдываться, что отнесла домой деньги для большей сохранности и принесет их тот час же!

У нас после этого появился новый бухгалтер.

Один из учредителей предоставил мне ни для чего не пригодную комнату. Потом я сменил еще несколько и, наконец, осел в помещении при почте. Вывод, который я сделал из переездов: все государственные начальники удивительно корыстны. Они вызывали меня к себе и один на один требовали дополнительной платы за помещение наличными! Не было ни одного исключения! Так что коррупцию породили не банкиры — их вынудили давать взятки чиновники!

При этом аппетит приходил во время еды, тарифы увеличивались ежемесячно! Следует сказать, что все помещения мы восстанавливали, ремонтировали, после этого нас душили условиями и выгоняли. Находясь на почте, я нашел требования, предъявляемые к банковской кассе, и открыл свою в помещении, где до этого выдавали зарплату. Это было в конце 1990 года — одно из первых кассовых помещений в Москве! Когда завезли первые два миллиона рублей, я сам пришел посмотреть на это зрелище! Так как все тогда хотели работать с наличностью, то обладание кассы давало нам большие конкурентные преимущества.

Кстати, из этой кассы пошли деньги защитникам Белого дома в августе 1991 года.

Больше всего крови мне испортил начальник почты — он просто закрыл двери и не пускал в банк ни нас, ни клиентов. Только по телефону спрашивал: «Ну что, деньги принес?»

Когда мы уходили от него, он не давал нам вынести собственные вещи! Мы вынуждены были даже использовать «полевое отделение», базирующееся в автобусе, стоящем рядом с банком. Там мы имели кассу, выдавали и принимали наличные. Платежи мы принимали по радиотелефону «Алтай», которым до этого пользовались только высшие руководители СССР. Так мы работали две недели!

Все это продолжалось, пока я не переехал в конце 1991 года в Центр международной торговли (ЦМТ). Для вывоза техники пришлось обращаться вновь к высоким официальным людям.

Ежедневно приходилось проворачивать огромный объем работы, сделать все это удавалось на энтузиазме. Работал я тогда по 18 часов!

Важным вопросом для перспективы развития банка был подбор клиентуры. Мы понимали, что большие структуры к нам не пойдут. Мы стали сами создавать свою клиентуру! Набрали юристов, которые штамповали документы новых фирм и регистрировали их. Фирмы я раздавал бесплатно, но половину долей оставлял банку. После этого выдавал фирме подъемные в виде кредитов. Первая сотня моих клиентов сплошь состояла из таких организаций.

В 1989 году мы создали Московский банковский союз. В него объединились 19 московских банков, активно общавшихся между собой. Мы все были хорошо знакомы и помогали друг другу. Я, кстати, в Союз вступил еще с «Узинбанком».

Ресурсами мне очень помогал комсомольский Финист-банк. Я все взятое вовремя возвращал, поэтому Александр Щербаков давал мне без обеспечения сразу по 10 млн рублей!

Сталкивались, конечно, в то время и с жуликами, но больших потерь у банка не было.

Первый баланс банка мы сделали на счетах. Первый компьютер у нас появился незадолго до путча, летом 1991 года. Программ еще не было, первые писали сами. И компьютеры вытянули все, эти первые примитивные банковские технологии давали решающее преимущество! Одновременно пришлось решать вопросы защиты информации, надежности систем. Тем самым передовые банки подтягивали и весь российский бизнес.

Вскоре неожиданно мы попали в проблему организации расчетов: валютных и безналичных. Законодательство было не отработано, было много неясного. И я эмпирически пришел к выводу, который был уже истиной на Западе. Вообще в России в тот период пришлось изобретать много велосипедов. Мне, в частности, пришлось решать заново много задач, ответы на которые были получены до меня, но мои решения оказались лучше.

Так, для решения вопросов расчетов я придумал чековое обращение! Первые материалы по этому поводу появились у меня уже в 1992 году. Да, в других странах этот инструмент существовал, но совершенно для других целей. Меня натолкнула на решение страшная инфляция, бушевавшая тогда в нашей стране. Ценники в магазинах менялись практически ежедневно. В первое время придумали и использовали некую универсальную единицу у.е., но вскоре ее использовать запретили. И тогда я придумал чеки, номинированные в «эквиваленте доллара»! Именно в «эквиваленте», а не в долларах. При приеме такого чека средства зачислялись по курсу на день его сдачи.

С. Л. Морозов

В 1994 году я по технологии, применяемой позже для евро, напечатал во Франции первые образцы чеков. С 19 степенями защиты (у рубля было только 9). Благодаря этому за все время их использования не было ни одного поддельного! Магазины сразу приняли этот инструмент. Было время, когда им пользовалось 500 торговых точек в Москве!оборот у меня вырос до 100 млн долларов. И это меня погубило. Появились люди потребовавшие прекратить использование чеков.

Пытались меня обвинить в нарушении валютного законодательства. На меня заводили уголовные дела, но они рассыпались!

В конце концов закрыли мой банк!

Пик развития банка пришелся на 1995–1996 годы, у меня было выпущено чеков на эквивалент 1 млрд долларов. Их принимали все крупнейшие банки мира! Со всеми были подписаны соответствующие договоры. Центром расчетов стал Mitsubishi bank (сейчас после объединения он стал самым крупным банком в мире). Коллеги перевели всю документацию по нашим чекам на японский язык и составили инструкцию по их использованию в своей стране!

Чеки стал принимать Банк Англии. В начале мне предложили работать с английскими образцами. Я патриотично ответил: «А чем наши хуже?!» Но когда их принял Королевский суд (он может принимать в оплату пошлин только чеки), произошел прецедент, что в Великобритании принципиально важно. После этого чек нашего банка стал приниматься всеми!

23 марта 1995 года я свои чеки запатентовал. 15 августа я получил второй патент на полезную модель.

В 1997 году к нам зампредом пришла Т. В. Парамонова. В этот момент на нас был совершен серьезный «наезд». И надо отдать должное Татьяне Владимировне, она его отбила, объяснив нападавшим, что чеки — это те же сберегательные книжки, только разделенные на отдельные листы. А дар внушения у нее есть. Вместе со мною она ходила к Лужкову, но в Московском правительстве вызвало недовольство, что не «их» банк будет рулить расчетами в Москве.

Когда вернулся в ЦБ РФ В. В. Геращенко, против меня была организована новая кампания. Главным в ней был курировавший работу хозяйственного департамента Банка России Е. В. Коляскин. Вместе с ним уничтожить банк решили Виктор Владимирович и недавняя моя сотрудница Татьяна Владимировна.

А больше всего недовольны моей деятельностью были в компании American Express. Еще бы! Они продали с мая по декабрь 1995 года в нашем банке своих чеков на 43 тыс. долларов, а мы продали на 80 млн!

Начались массивные проверки Центрального банка. Лицензию у нас отобрали на ровном месте! Исключительно из-за моего категорического отказа свернуть чековую программу. Чеки препятствовали вывозу валюты за рубеж, препятствовали стратегической линии Минфина РФ и Центрального банка РФ на укрепление рубля, препятствовали разва-

лу российского экспорта, экспансии западных банков в Россию! Чековый оборот позволял практически бесплатно концентрировать в российских банках огромное количество западной валюты (СКВ). Это кардинально шло вразрез интересам ФРС США, которая видит в России лишь сырьевой придаток Западу и планомерно разваливает экономику России. Время, к сожалению, подтвердило мою правоту.

Примечательно следующее. В Элим-банке была не только уникальная чековая программа. Был и уникальный процессинговый центр — лучший в России по всем показателям. Я подарил его при лишении банка лицензии коммерческому ЭКСПОбанку. За этот центр в марте 2008 года британский банк Barclays заплатил ЭКСПОбанку 745 млн долларов при покупке 100% его акций. Лучшие российские банки либо уничтожены, либо куплены западными банками. Это печально. Это и есть те самые «либеральные ценности», которые Запад нам навязывает в качестве «демократии». Демократии для западных банков на территории России, приводящей к полной гибели российской банковской системы, а за ней и всей экономической системы в целом.